

Книга отсканирована
в рамках проекта
«Краевед Оренбуржья»
<http://OrenKraeved.ru>

ШЕВЧЕНКО В ОРЕНБУРГЕ

В Оренбурге Шевченко был трижды.

Первый раз его доставили сюда 9 июня 1847 года, и ^{на} ~~пробыл тут~~ несколько дней, до отправки к месту службы — в Орскую крепость.

Второй раз, по окончании Аральской экспедиции, ему довелось прожить здесь с ноября 1849 по май 1850 года — двести дней с лишним.

В Третий приезд в этот город был самым коротким. В начале октября того же 1850-го, по пути из Орской крепости в Новопетровское укрепление, он остановился в Оренбурге на несколько часов.

Четвертый «визит» Шевченко в центр обширного степного края не состоялся, хотя на сей счет были сделаны все надлежащие распоряжения. Их, эти распоряжения, можно прочесть на двадцати двух листах дела «По отношению начальника 23-й пехотной дивизии о 67 политических преступниках, отсылаемых под надзор Оренбургской полиции».

Шевченко удалось выехать, не заезжая в Оренбург, где его ждала столь «теплая» встреча. Пропуск для выезда непосредственно в Петербург освобожденному от службы рядовому удалось получить, вероятно, потому, что коменданту Новопетровского укрепления И. А. Ускову приведенные выше распоряжения о присылке уволенных в центр края известны не были. До Мангышлака предписания дошли гораздо позднее. Пришлось писать объяснения, оправдываться неведением, но... Шевченко находился уже в Нижнем Новгороде, где был задержан на несколько месяцев.

В Оренбурге, вопреки строжайшему царскому запрету, Т. Г. Шевченко продолжал и писать, и рисовать, за

что в апреле 1850 года был подвергнут аресту на Главной гауптвахте. Но ничто не могло сломить его духа!

Написано в Оренбурге

* * *

Считаю в ссылке дни и ночи —
И счет им теряю!
О господи, как печально
Они уплывают!
А годы плывут меж ними,
И тихо с собою
Доброе они уносят
И уносят злое!..
И не спросят, все уносят
В дальнюю дорогу!
Не моли — твоя молитва
Не дойдет до бога.

* * *

Год четвертый — та же доля,
То же горе знаю,
И четвертую в неволе
Книжку начинаю
Вышивать и вышиваю
Кровью и слезами:
Разве можно на чужбине
Выразить словами
Свое горе! Невозможно.
И не оттого ли,
Что нигде, нигде на свете
Нет слов в неволе!

* * *

Там нету слов, там нету слез,
На чужбине этой
Нет ничего. Даже бога
Вокруг тебя нету!
Нет никакой отрады
Даже сердца и взгляда.
Жить душа твоя не рада,
А жить надо, надо.
Надо? Нужно, чтоб душе
Спастися недужной,

Да она того не стоит...
Вот для чего нужно
Жить на свете, носить эти
Кандалы-оковы:
Может быть, еще увижу
Украину снова...
Поделюсь еще, быть может.
Словами-слезами
С дубровами зелеными!
С темными лугами!
Хоть родни у меня вовсе
Нет на Украине,
Но там все же не те люди,
Что здесь, на чужбине!
Там я гулял бы над Днепром
По веселым селам,
Там я дал бы волю думам
Тихим, невеселым.
Дай дожить, дай посмотреть мне,
О боже мой милый,
На зеленые равнины,
Курганы-могилы!
А не дашь, так мои слезы
Родимому краю
Передай, — ты видишь, боже!
За него страдаю!
Может быть, мне на чужбине
Лежать легче будет,
Если там, на Украине,
Меня вспомнят люди!
Мои слезы передай ей,
Надеждой святою
Озари хотя бы душу
Бедной головою.
Ничего я не сделаю.
Даже сердце стынет.
Как подумаю, что, может,
Меня на чужбине
Похоронят, мои думы
Зароют со мною
И что позабыт я буду
Украиной родною.

* * *

Может, годы за годами
Пройдут, и, вышиты слезами,
Мои стихи когда-нибудь
К себе на Украину путь
Найдут... и чистою росой
Падут на сердце молодое,
Проникнув в молодую грудь.
И голову закивает
Мне кто-нибудь и зарыдает
Со мной, и за меня молить
Он станет бога, может быть.
Пускай как будет, так и будет.
Хоть плыть опять, хоть ковылять.
Хоть муку крестную принять
Мне доведется, все же буду
Страницы тихо вышивать.

Находясь в Оренбурге, Шевченко в течение ноября 1849—апреля 1850 годов много и плодотворно работал над окончанием видов Аральского моря, а, кроме того, выполнил ряд портретных работ, представляющих несомненный художественный интерес.

Не все портреты, созданные той оренбургской зимой, до нас дошли. До сих пор не установлено место нахождения портрета его друга — ссыльного поляка Томаша Вернера; такая же судьба постигла «Портрет неизвестной в кресле», «Автопортрет в белой фуражке». Портреты Карла Герна и его жены, в доме которых Тарас Григорьевич жил длительное время, были брошены в огонь перед обыском, долженствовавшим доказать, что Шевченко нарушает «высочайшую волю».

Таким образом, мы имеем возможность говорить лишь о части портретных работ его-кисти.

Среди них — «Автопортрет». Вглядываясь в глаза Шевченко, видим в них не только всю глубину страданий поэта-изгнанника, но и непреклонную его волю. Это человек, который уже твердо решил для себя и сказал людям: «Страдаю, мучаюсь, но не каюсь!».

С глубокой симпатией рисовал он братьев Лазаревских — земляков-украинцев, служивших в то время в Оренбурге и многое сделавших для того, чтобы скрасить унылые, тягостные его дни.

103

189

Портрет Елены Бларамберг, как и вообще большинство художественных работ Шевченко, хранится в Государственном музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

Кто эта женщина, которую с такой любовью запечатлел художник? Она была женой Ивана Федоровича Бларамберг — подполковника и, по официальной должности, квартирмейстера войск в Оренбургском крае, вообще же известного в свое время талантливого математика и картографа. Об этой семье — и, конечно, о ее хозяйке — мы можем судить также по тому, что здесь получили первоначальное воспитание богато одаренные люди: композитор Павел Бларамберг и писательница Елена Бларамберг (литературный псевдоним — Е. Ардов). Портрет дает возможность судить о том, что, находясь в Оренбурге, Шевченко был дружен с этой семьей.

По-шевченковски выразителен портрет отставного майора А. В. Племянникова — известного в крае помещика-крепостника...

Репродукции (или копии) всех известных работ художника Шевченко, выполненных в Оренбурге, в недалеком будущем займут свое место в Шевченковском зале краеведческого музея, а также в новом здании Оренбургского музея изобразительных искусств.